

Миронова Валентина Петровна

**Сюжет о сватовстве в мифической
стране Хийтола в контексте
карельской эпической традиции**

10.01.09 – Фольклористика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Петрозаводск – 2011

Работа выполнена в Учреждении Российской академии наук Институте языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН

Научный руководитель: кандидат филологических наук
Киуру Эйно Семенович

Научный консультант: доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Криничная Неонила Артемовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Девяткина Татьяна Петровна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Рахимова Элина Гансовна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский
государственный университет»

Защита диссертации состоится 25 октября 2011 г. в _____ на заседании диссертационного совета ДМ 212.190.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет» (185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33, ауд. 317).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Петрозаводского государственного университета.

Автореферат разослан _____ сентября 2011 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

А. Ю. Нилова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Карельская руна о сватовстве типологически соотносится с эпическими песнями других народов, повествующими о добывании жены в потустороннем мире или в чужих землях. В мифологическом эпосе (а именно таковым считаются карельские руны) это был один из важнейших сюжетов, соответствующих идеологии распада родового строя.

Сюжетную тему о сватовстве в рамках общекарельской эпической традиции можно условно разделить на три этнолокальных варианта: севернокарельский, или беломорский¹, южнокарельский, или олонецкий², и приладожский³. Своеобразным ядром, фокусирующим разворачивание всех перипетий рассматриваемого сюжета, является повествование о путешествии героев (героя) в далекую страну в поисках своей суженой. В Беломорской Карелии сватовство героев происходит в Похьэле, Туонеле, Манале. В рунах Южной и Приладожской Карелии действия разворачиваются в Хийтоле.

Несмотря на единую основу рассматриваемого сюжета, в этнолокальных вариантах отчетливо просматриваются характерные особенности. Севернокарельская руна о сватовстве основное внимание уделяет событиям, связанным с добыванием жены, ключевыми мотивами в ней становятся брачные испытания. Южнокарельская эпическая песня подробно описывает действия, предшествующие сватовству и последующие за ним события. Для указанных рун устойчивым является мотив чудесного рождения, а также магического бегства невесты с ее разнообразными превращениями. В приладожском варианте песни о сватовстве в качестве завязки доминируют мотивы изготовления кантеле и лодки. Различия в этой этнолокальной традиции наблюдаются и в основном повествовании: при выполнении трудных брачных испытаний у главного героя появляется помощник. Как правило, это «Укко, бог верховный», в других

---

¹ К Северной, или Беломорской, Карелии относятся Калевальский, Лоухский, Муезерский и Медвежьегорский районы, где проживают собственно карелы, или беломорские карелы.

² К Южной Карелии относятся Олонецкий, Пряжинский и Кондопожский районы, где проживают карелы-ливвики и людики, или олонецкие карелы.

³ К Приладожью относится территория, примыкающая к северо-западному берегу Ладожского озера.

вариантах на помощь приходит невеста. Существенным отличием композиции является отсутствие в приладожской эпической традиции мотива поглощения кузнеца, пребывания его в чреве хозяина/хозяйки мифической Хийтолы.

Объектом изучения служит эпическая традиция южных карелов, включающая в себя песни на 24 сюжета. В ее рамках наиболее распространенной является руна о сватовстве в Хийтоле. Семантика и поэтика данного сюжета, рассматриваемая в контексте общекарельской эпической традиции, является **предметом** исследования.

Материал изучения составляют около восьмидесяти текстов, часть из которых опубликована в различных изданиях. Значительным дополнением являются архивные источники: проанализированы и использованы материалы Фольклорного архива Финского литературного общества (г. Хельсинки, Финляндия), а также рукописные материалы фольклорного фонда Научного архива КарНЦ РАН и звуковые образцы Фонограммархива Института ЯЛИ КарНЦ РАН.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена недостаточной изученностью южнокарельской эпической традиции. Олонецкие руны, активно записывавшиеся на протяжении двух последних столетий, представляют наиболее самобытную часть устно-поэтического творчества карелов-ливвиков и людиков. Однако большая часть материала до конца XX века не была введена в научный оборот. Публикации, изданные в Финляндии, недоступны русскоязычным исследователям из-за отсутствия переводов. Вследствие этого возникают ошибочные суждения относительно бедности южнокарельской традиции в отношении эпического наследия.

Научная новизна настоящей работы состоит в том, что впервые объектом исследования стала южнокарельская рунопевческая традиция. Из всего разнообразия рун выделена наиболее популярная эпическая песня о сватовстве в мифической стране Хийтола, на основе которой впервые предпринимается комплексный анализ сюжета с привлечением всех имеющихся опубликованных и архивных источников. Использование этнографического материала, а также

сведений по мифологии дало возможность по-новому проанализировать все устойчивые мотивы песни, выявить их соотнесенность с родильной и свадебной обрядностью. Помимо этого, впервые раскрыты локальные особенности композиционного построения руны, указаны версии сюжетных контаминаций. Поэтические особенности языка рун пересмотрены с учетом современных подходов к изучению фольклорного текста. В настоящей работе введены в научный оборот неопубликованные варианты эпических песен.

Цель исследования – комплексное изучение южнокарельской песни о сватовстве в мифической стране Хийтола с выявлением его этнолокальной специфики. Достижение цели предусматривает решение следующих **задач**:

- выявить инвариант песни о сватовстве в Хийтоле, рассматривая каждый ее мотив как в отдельности, так и в контексте сюжета;

- определить основные структурные компоненты сюжета;

- проанализировать основные образы и коллизии руны в плане их истоков и семантики;

- раскрыть характер взаимосвязей между свадебным обрядом и рассматриваемой песней, обратив внимание, в первую очередь, на магическую функцию руны в обряде;

- определить основные типы сюжетных контаминаций, сравнивая их с композиционным построением рун, относящихся к другим этнолокальным вариантам;

- рассмотреть поэтические и стилистические особенности с учетом этнолокальной специфики.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования явились фундаментальные труды советских, российских и финских фольклористов, литературоведов и этнографов. Это научные работы Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, А. К. Байбурина, Н. А. Криничной, Э. Г. Карху, которые касаются вопросов происхождения эпоса и связей его с обрядом, раскрывают истоки былинных и сказочных мотивов, выявляют мифологические основы мотивов и образов. В вопросах, связанных с

анализом поэтики, учитывались исследования общетеоретического плана Ю. М. Лотмана, Ф. М. Селиванова, В. И. Ереминой, в том числе и посвященные непосредственно поэтическим особенностям карельских рун – Э. Г. Рахимовой. Привлечены также работы исследователей, изучавших региональную и этническую специфику фольклора. В первую очередь труды В. Я. Евсеева, Э. С. Киуру, занимавшихся исследованием карельских эпических песен. Помимо этого, использованы работы Ю. Ю. Сурхаско, У. С. Конкка, А. С. Степановой, рассматривавших карельский свадебный обряд в совокупности с причитаниями, выявляя при этом особенности их поэтического языка. В зарубежной, прежде всего финской, фольклористике исследование карельских эпических песен велось на протяжении практически полутора столетий. Необходимо отметить работы К. Крона, Э. Н. Сетяля, У. Харва, М. Кууси, М. Хаавио и других исследователей, которые позволили осуществить в рамках данной работы изучение песни в историко-этнографическом аспекте.

Диссертационная работа основана на текстологическом анализе с использованием сравнительно-типологического и сравнительно-исторического методов, а также метода комплексного рассмотрения фольклорных явлений.

Положения, выносимые на защиту:

1. В эпическом наследии карельского народа необходимо выделить южнокарельскую рунопевческую традицию, которая включает в себя определенный круг сюжетов.
2. Наиболее распространенной из всех зафиксированных южнокарельских эпических песен является руна о сватовстве в мифической стране Хийтола. Широкое бытование песни могло быть связано с определенной магической функцией, выполняемой в ходе свадебного обряда.
3. Анализируемый сюжет включает в себя архаичные мотивы и образы, при выявлении семантики которых следует учитывать особенности мифологического мышления древнего человека. Причем некоторые мотивы

характерны преимущественно для южнокарельского варианта руны, что также позволяет говорить о специфике олонецкой эпической традиции.

4. Для рассматриваемой песни характерна многосоставность, что сближает ее структуру с ранним типом фольклорного сюжетосложения в целом, при котором происходит контаминация различных мотивов, а в некоторых случаях – сюжетов, принадлежащих подчас не только другим рунам, но и произведениям других жанров в силу общности их истоков.

5. Песня о сватовстве, как и другие сюжеты указанной этнолокальной традиции, отличается широким использованием разнообразных художественных средств. Устойчивые поэтические приемы карельских рун в целом: аллитерация, параллелизм, сравнения, гиперболы, эпитеты и перифразы – по-особому реализуются в южнокарельской эпической традиции.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что разработан комплексный подход к изучению отдельного сюжета, который включает фольклорный, этнографический, языковой компоненты. Исследование вносит вклад в изучение южнокарельской эпической традиции в целом.

Практическое значение работы определяется возможностью введения в научный оборот архивных материалов. Полученные результаты могут быть использованы преподавателями при чтении лекций по карельскому фольклору, при разработке спецкурсов по поэтике фольклора, в междисциплинарных исследованиях.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования излагались в докладах и сообщениях, которые обсуждались в ходе дискуссий на конференциях «Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры» (Петрозаводск, 2000, 2001, 2005, 2008, 2009 гг.), на научной конференции, посвященной 70-летию Института языка, литературы и истории (Петрозаводск, октябрь 2000 г.), на международных научных

конференциях: «Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве» (10-12 октября 2005 г.), «Финское литературное общество и история российско-финских фольклористических связей» (Москва, ИМЛИ, 11-13 сентября 2006 г.), «Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика» (24-27 октября 2006 г.), «“Калевала” в контексте региональной и мировой культуры» (2-3 июня 2009 г.); на научно-практических семинарах в рамках фестиваля народной музыки «Соммело» (г. Кухмо, Финляндия, 1-4 июня 2007 г., 1-5 июня 2008 г.), на заседании кафедры народной культуры университета г. Йоэнсуу (г. Йоэнсуу, Финляндия, 23 августа 2005 г.). По теме диссертации опубликовано 17 статей. Автором диссертации был подготовлен сборник «Эпические песни Южной Карелии» (Петрозаводск, 2006).

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка источников и литературы, включающего 332 наименования, двух приложений: Приложение 1 «Карта», Приложение 2 «Руна о сватовстве в Хийтоле». Объем: 236 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, сформулированы цели и задачи, обозначены методология, источники и материалы исследования, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость, даются сведения об апробации диссертации.

Первая глава «История собирания и исследования южнокарельской эпической традиции» включает в себя два раздела. В разделе *1.1 «Накопление эмпирического материала»* рассмотрены основные этапы экспедиционных маршрутов, проделанных учеными России и Финляндии на территории Олонецкой Карелии в течение полутора столетий. Первооткрывателями устной поэзии южных карелов по праву считаются финские исследователи. Начиная со второй половины XIX века такие собиратели, как Д. Европеус, А. Генетц, А. Борениус, Х. Базилиер, О. А. Хайнари, И. Хярккенен неоднократно выезжали в приграничные районы Южной Карелии. Ими обследованы деревни

Туломозерской, Ведлозерской, Сямозерской, Святозерской волостей (нынешний Пряжинский район), а также поселения Приладожья. Собранный материал частично опубликован во 2-ом томе собрания «Древние руны финского народа»⁴, большая часть хранится в Фольклорном архиве Финского литературного общества (г. Хельсинки, Финляндия).

Во второй половине XIX века в поиски фольклорных произведений включилась и местная интеллигенция. Результаты деятельности некоторых ее представителей, например, Н. Ф. Лескова, карела по происхождению, можно назвать существенными.

Началом нового этапа в собирании южнокарельской эпической поэзии является 1930 год – время основания Карельского научно-исследовательского института (ныне – Институт ЯЛИ КарНЦ РАН). На сегодняшний день коллекция рун насчитывает 120 эпических песен – это 11 сюжетов, примерно 1200 стихов. Подобные результаты были достигнуты благодаря огромной экспедиционной деятельности, проделанной В. Я. Евсеевым и его коллегами в период с 1930-го по 1960-е годы. В последующие годы карельские руны наряду с другими фольклорными жанрами записывались также У. С. Конкка, А. С. Степановой, Н. А. Лавонен, Р. П. Ремшуевой. Итогами собирательской работы стали сборники «Карельские эпические песни»⁵, «Эпические песни южной Карелии»⁶.

В разделе 1.2 «Изучение южнокарельской эпической традиции» дан обзор монографий и статей, посвященных анализу рунопевческой традиции олонечких карелов. Впервые в карельской фольклористике эпические песни и их поэтические особенности в контексте карельского эпоса рассматривал В. Я. Евсеев⁷. Позже в русле указанной темы появилось несколько статей. Среди них работа А. С. Степановой⁸, в которой представлен обзор всех сюжетов,

---

⁴ Suomen kansan vanhat runot. 2: Aunuksen, Tverin- ja Novgorodin-Karjalan runot / julkaissut A. R. Niemi. – Helsinki, 1927.

⁵ Карельские эпические песни / предисл., подгот. текстов, коммент. В. Я. Евсеева; отв. ред. В. Я. Пропп. – М.; Л., 1950.

⁶ Эпические песни Южной Карелии = Aunuksenkarjalazien eepizet pajot / сост., авт. вступ. ст., коммент. и пер. В. П. Миронова; ред. кар. текстов В. Д. Рягоев. – Петрозаводск, 2007.

⁷ Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса: в 2 кн. – М.; Л., 1960.

⁸ Степанова А. С. Эпические песни Южной Карелии // Фольклористика Карелии: сб. ст. – Петрозаводск, 1989. – С. 48-81.

выявленных в Южной Карелии. Этим же автором проанализирована эпическая песня о сватовстве в Хийтоле, намечены основные аспекты дальнейшего исследования⁹. Отметим, что севернокарельский вариант руны о добывании жены был исчерпывающе рассмотрен в работе Э. С. Киуру¹⁰.

К изучению олонекских сюжетов в рамках всей общекарельской традиции в разное время обращались и финские исследователи. Именно зарубежные фольклористы впервые выявили специфику южнокарельских эпических песен, указывая на существование различий между южнокарельской, севернокарельской и приладожской традициями на уровне сюжетов и мотивов¹¹. Однако при рассмотрении особенностей языка и стиля рун олонекские варианты ввиду недостаточного количества материала привлекались ими значительно реже. В целом, российскими и финскими исследователями были намечены основные аспекты дальнейших научных разысканий.

Вторая глава «Эпический и обрядовый контекст сюжета» посвящена определению основных отличий рассматриваемой песни на уровне главных героев и коллизий, а также в плане соотношения руны и обряда.

В разделе *2.1 «Бытование карело-финской эпической традиции»* обозначены ареалы карело-финских рун в соответствии с материалами, опубликованными в собрании «Древние руны финского народа». Эпические песни были зафиксированы как на территории Карелии (Беломорской, Олонецкой, Приладожской), так и в Финляндии (в губерниях Северная Карелия и Саво). Предпринятый анализ свидетельствует о том, что к началу XX века руны практически не бытовали среди финского населения. Рунопевческая традиция сохранилась преимущественно в Карелии и Ингерманландии.

Сюжетно-тематический состав карельского (шире – карело-финского) эпоса довольно обширный, он включает в себя руны на мифологические сюжеты, песни героического содержания, баллады. Общность тем свидетельствует о генетическом единстве рун.

---

⁹ Степанова А. С. Эпические песни южных карел: сюжет «Сватовство в Хийтола» // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. – Т. 1. – М., 1989. – С. 372-374.

¹⁰ Киуру Э. С. Тема добывания жены в эпических рунах. – Петрозаводск, 1993.

¹¹ Kuusi M. Suomen kirjallisuus. 1: kirjoittamaton kirjallisuus / toim. M. Kuusi; kirj. M. Nako. – Helsinki, 1963.

Раздел 2.2 «Сюжет о сватовстве в контексте свадебного обряда» посвящен проблеме взаимодействия эпоса и ритуала. В карельской свадебной традиции бытовало немало религиозно-магических обрядов с преобладающей апотропеической функцией. Наиболее эффективным предохранительным действием считался обряд «оберегания», аналогичный «отпуску» в русской свадьбе, необходимость соблюдения которого имеет объяснение. Жених, проделывая пространственные круговые перемещения («свое»–«чужое»–«свое»), находился в маргинальном положении и был наиболее уязвим, вследствие чего нуждался в дополнительной защите.

Доминирующее место в религиозно-магической обрядности занимала вербальная магия, в основе которой были заговоры и заклинания. Помимо заговоров или наряду с ними при «оберегании» участники обряда могли исполнять свадебные песни, близкие заговорам как по образной системе и метрике, так и по содержанию. Близость настолько велика, что зачастую некоторые фрагменты рун, а в некоторых случаях и целые руны можно выделить в качестве самостоятельных заговоров, в том числе и свадебных.

В различных этнолокальных группах разнообразные тексты сопровождали «оберегательный» обряд. У северных карелов наибольшее распространение получили заговоры и свадебные песни калевальской метрики. У южных карелов схожую функцию выполняла руна о сватовстве в Хийтоле, относительно которой сохранились довольно любопытные замечания собирателей. Информанты неоднократно указывали, что песню чаще всего исполняли во время сборов жениха на сватовство или уже непосредственно на свадьбе. В «Отчете о поездке к олонекким карелам летом 1893 года» Н. Ф. Лесков отмечает, что им была записана руна о сватовстве кузнеца Илмойллинена (Ilmoillizen kozinda laulu) от крестьянки-карелки Катерины Туру. По словам женщины, исполняемая во время свадеб песня «застраховывает жениха и невесту от действий всякого колдовства»¹², выполняя, таким образом, оберегательную функцию в свадебном обряде.

Раздел 2.3 «Центральные персонажи песен о сватовстве» посвящен

---

¹² Лесков Н.Ф. Отчет о поездке к олонекким карелам летом 1893 года // Живая старина. – 1894. – Вып. 1. – С. 23.

характеристике основных героев руны. В севернокарельской традиции их три: Вяйнямйнен, Илмаринен и Йоукахайнен, они в равной степени становятся участниками описываемых событий. По ходу повествования изображается противоборство братьев, победу в котором одерживает «старый мудрый» Вяйнямйнен. В южнокарельском варианте руны, равно как и приладожском, на первый план выходит кузнец Илмойллине. Широкое развитие кузнечного ремесла в Южной Карелии, свидетельством которого являются найденные археологами многочисленные украшения и разнообразные орудия труда, могло послужить одной из предпосылок для формирования указанного героя в качестве центрального. Немаловажную роль сыграло также широко бытовавшее поверье, согласно которому мастерство кователя было овеяно тайнами и наделялось сверхъестественными свойствами. Кузнецу, равно как и гончару, плотнику, ткачу, издревле приписывали магические способности.

В рассматриваемых песнях кузнец Илмойллине изображается как искусный мастер, способный выковать небосвод, нож или украшения, а также как некий мифический герой, обладающий магическими знаниями. Илмойллине может «напеть» остров в море, вызвать «небесный град», остудить «огненную баню» и т. д. Однако этот персонаж не утрачивает признаков своего изначального родства с другими героями карельского эпоса.

В третьей главе «Семантика образов и коллизий» подробно рассматриваются все мотивы, входящие в состав анализируемого варианта песни, выявляются их мифологические истоки. Композиционная структура южнокарельской эпической песни обладает устойчивыми компонентами, встречающимися также в беломорской и приладожской рунах. Основу олонцкого варианта сюжета составляют следующие мотивы:

- 3.1 Чудесное рождение героев. Ритуальная баня. Крещение. Имянаречение.
- 3.2 Создание кузницы.
- 3.3 Анни носит воду.
- 3.4 Гадание на мусоре.
- 3.5 Появление орла.

- 3.6 Подготовка к сватовству. Ритуальная баня.
- 3.7 Путешествие в далекую страну Хийтола.
- 3.8 Изготовление кантеле.
- 3.9 Преодоление препятствий.
- 3.10 Мифическая страна Хийтола и ее хозяева.
- 3.11 Невеста кузнеца.
- 3.12. Брачные испытания жениха.
- 3.13. Получение невесты.
- 3.14 Превращение в чайку.

Наряду с общими мотивами, встречающимися во всех карельских рунах о сватовстве, а также в песнях о сватовстве в других локальных традициях, обнаруживаются некоторые элементы, характерные только для южнокарельского варианта. Анализ каждого из перечисленных компонентов сюжета посвящен соответствующий раздел третьей главы предпринятого исследования.

В разделе *3.1* рассматривается наиболее распространенный в южнокарельском варианте песни о сватовстве зачин, повествующий о непорочном зачатии героев. Данный мотив получил широкое бытование в мировом фольклоре. Проведенный нами анализ свидетельствует о типологическом сходстве с другими фольклорными традициями, где зачатие также могло произойти от съеденного плода (в нашем случае – ягоды) или от рыбы. Специфической особенностью рассматриваемого мотива является зачатие от волос: героиня кладет три волосинки за правую щеку или под язык, беременеет и рождает трех сыновей. Согласно анимистическим верованиям, в волосах сосредоточена жизненная сила человека. Подобное представление послужило основанием для появления у многих народов, в том числе и у карелов, достаточно большого количества поверий, связанных с волосами. В карельской традиции эти представления нашли яркое отражение во вредоносной (порча на волосы) и в любовной магии (славуточность – «лемби» девушки находилась в волосах), широко бытовали в свадебном обряде (обычай стричь, а затем убирать волосы). Выявленный этнографический материал позволил интерпретировать в диссертационном

исследовании мотив непорочного зачатия от волос.

В рамках указанного раздела рассматриваются также мотивы ритуальной бани новорожденного, крещения и имянаречения, зачастую контаминирующиеся с мотивом чудесного рождения. Подобное развитие повествования является интерпретацией родильной обрядности карелов. Описываемые в песне ритуальные действия имеют магическое значение, посредством которых младенец как бы отделяется от того мира, откуда он появился, и приобщается к сфере культуры. Омовение ребенка нередко контаминируется с обрядом крещения, закрепившегося в карельской традиции достаточно поздно, с постепенным распространением христианства. Особого внимания заслуживает изображаемый в руне обряд имянаречения, в котором преобладают дохристианские верования. Крещеные герои получают древние языческие имена, причем обряд проводит сама мать. Подобный ритуал бытовал в действительности у лопарей¹³. Возможно, он был распространен и среди карельского населения, что нашло отражение в исследуемой песне.

В разделе 3.2 рассматривается мотив, являющийся своеобразной связкой между мотивом чудесного рождения и собственно сватовством. Основной герой песни кузнец Илмойллине предстает как творец первопредметов, в нашем случае – кузницы. Зачастую это результат некоего физического действия, свидетельством нашей гипотезы служат используемые глаголы *azua* – строить, *luadie* – делать. В других вариантах творение реализуется при помощи магической силы слова, превращающей обычные предметы в отдельные части кузницы.

В разделе 3.3 представлена еще одна разновидность завязки анализируемой песни. Отправившаяся за водой девушка замечает приближение незнакомцев, о чем она торопится рассказать Илмойллинену (в севернокарельских вариантах: кузнецу Илмаринену). Указанный мотив отличается от севернокарельского варианта участвующими в нем героями. В беломорской руне Анни – это сестра Илмаринена, которая спешит рассказать брату о женихах девы Похъёлы, в олонекской песне этот женский персонаж является представителем иного мира.

---

¹³ Харузин Н. Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). – М., 1890. – С. 179-180.

Выявленные варианты, в которых Анни изображается в роли невесты, подтверждают наше предположение.

Раздел 3.4 освещает выступающий в качестве завязки мотив гадания на мусоре, в котором отразился один из способов молодежи узнать свое будущее. Различные способы ворожбы совершались девушками в «пороговое» время, чаще в зимние святки. Одним из распространенных видов были всевозможные «слушанья», в том числе слушанье «на сметьё», описанное в данном мотиве. Доносящиеся звуки колокольчика интерпретировались дево́й Хийтолы как скорый приезд жениха.

Раздел 3.5 содержит анализ отмеченного нами в некоторых вариантах мотива: Илмойллине, заметив кружащего над кузницей орла, начинает собираться за невестой в Хийтолу. Образ парящей в небе птицы в данном контексте служит своеобразным предзнаменованием сватовства, а мотив выполняет функцию экспозиции основного повествования. В вариантах огромный орел, у которого *«сто мужей под левым крылом, сто – под правым, а тысяча мужей на шее»*, выступает в качестве посредника между мирами. Подобное описание является символическим изображением свадебного поезда. В некоторых случаях жених уподобляется птице или орлу, что характерно для свадебной лирики в целом.

Раздел 3.6 посвящен анализу мотива сборов жениха на сватовство. Ключевую роль в нем играло посещение ритуальной бани, которая, прежде всего, носила посвященный характер. Топили баню особыми «медовыми» дровами, обеспечивающими «медовую» жизнь после свадьбы. Омовение сопровождалось использованием специальных знаковых атрибутов: щелока или мыла, выполнявших наряду с очистительной магической функцией. В качестве непрямого действия описывается облачение героя в особые одежды, предохраняющие его от воздействия вредоносных сил. Мать готовила для сына рубашку, *«сотканную из одного волокна, сквозь кольцо пропущенную, которую отец в молодости носил»*. Подобное детальное изображение сборов жениха на сватовство отличает южнокарельскую версию песни от беломорской руны.

В разделе 3.7 рассматриваются возможные способы попадания в иной мир.

Наиболее архаичным персонажем-посредником, с помощью которого кузнец преодолевает границу миров, является образ коня-лося. Выявленные многочисленные примеры из различных фольклорных традиций свидетельствуют о том, что именно лось являлся подобным своеобразным перевозчиком. Позже, с развитием земледелия, зооморфный код начал претерпевать некоторые видоизменения. Бытующие древние символы, сложившиеся в условиях охотничьего хозяйства, постепенно трансформировались. В качестве перевозчика стал выступать конь-лось, позже этот двойной образ отошел на второй план, уступив место коню. В некоторых вариантах кузнец мог отправиться в путь и на лодке, что является отражением древнего похоронного обряда. Герой может пересечь границу миров, усевшись на огромной птице. Все описанные средства отражают древние способы проникновения в потусторонний мир.

В разделе 3.8 проанализирован мотив изготовления кантеле, зачастую вступающий в контаминацию с мотивом морского путешествия. Древнее кантеле мастерили из рыбьих костей, струны – из хвоста жеребца, а сам короб из *«звучной ели»*. Возможно, первоначально игра на подобном музыкальном инструменте выполняла в свадебном обряде некую магическую функцию, однако прямых указаний на это в рассматриваемой песне не выявлено. Контаминация мотива путешествия на лодке с мотивом изготовления кантеле получила наибольшее распространение в приладожской традиции, в качестве самостоятельного развернутого сюжета данный мотив бытовал также в Беломорской Карелии.

Раздел 3.9 посвящен рассмотрению эпических преград, с которыми герою необходимо справиться по дороге в иной мир. Зачастую в пути у Илмойллинена ломается дуга, оглобля, полоз. При помощи магии слова кузнец готовит новую сбрую и продолжает путешествие. В беломорской руне о сватовстве в указанном мотиве отчетливо проявляется соперничество между Илмариненом и Вяйнямёненом. В южнокарельском варианте песни Илмойллинену чаще противостоит некое мифическое существо. Мотив отражает борьбу двух колдунов, относящихся к разным мирам.

В разделе 3.10 дана характеристика мифической страны Хийтолы и ее

обитателей. Рассмотрена этимология топонима *-hiisi*, проведена параллель с другими иными мирами, встречающимися в карельских рунах. Имеющиеся варианты не дают нам полного описания Хийтолы и ее хозяев. Очевидно, что страна эта находится за морем (в вариантах, за девятью морями), а ее полноправной хозяйкой является старуха Хийси. Истоками этого образа является женское божество, сформировавшееся в условиях материнского рода. В описании сочетаются как архаичные зооморфные, так и наиболее поздние антропоморфные черты. Впоследствии в качестве хозяина мифической страны появляется мужской образ, в некоторых вариантах эти два персонажа уже занимают равноправное положение.

В разделе 3.11 проанализирован образ невесты. Для эпоса в целом типичным являются поиски невесты вдалеке, карельские руны не являются исключением. В рассматриваемой песне о сватовстве она представлена как суженая, для жениха предназначенная. Эта определенность в архаическом эпосе не мотивируется, невеста принадлежит к той категории женщин, из которых, согласно нормам экзогамии, полагалось брать жену. Кузнец Илмойллине называет невесту *«ожидаемой»*, *«продаваемой»*, *«по три года сватаемой»*, подобные характеристики являются отражением существовавших ранее различных форм брака: брака-отработки, дислокального брака, покупного брака.

Раздел 3.12 посвящен рассмотрению трудных заданий, выполнение которых позволит кузнецу Илмойллинену получить невесту. Брачные испытания эпического героя – это универсальный способ добывания жены, «только выполнение “трудных заданий” позволяет “завоевать” невесту»¹⁴. Жениху необходимо вспахать змеиное поле, причем сделать это необходимо *«без пояса на теле, без рукавиц, без шапки на голове, без сапог на ногах»*. Анализ магических функций перечисленных предметов показывает, что их отсутствие символизирует сложность представленного задания. Герою, лишенному помощи «извне», уязвимому под воздействием вредоносных сил, необходимо самому справиться с мифическим полем. Вариантом указанного испытания служит ограждение

---

¹⁴ Киуру Э. С. Тема добывания жены в эпических рунах. – С. 68.

змеиного поля, что может осмысляться как очищение некоего замкнутого пространства от злых духов.

Распространенным заданием является посещение «огненной бани», справиться с ним помогают магические способности героя: Илмойллине словами остужает банный жар. Указанная задача носит характер посвятельного испытания, преодолев которое жених приобретал новый социальный статус.

В качестве следующего задания старуха Хийси предлагает принести кузнецу Илмойллинену огромную серую щуку. В беломорском варианте руны поимка рыбы изображается как борьба щуки и птицы, в которую обращивается герой. В южнокарельской песне кузнец не вступает в противоборство с необычной рыбой, а оказывается проглоченным ею. Чтобы выбраться из утробы мифического существа, Илмойллине строит кузницу и выковывает нож. Зафиксированы варианты, в которых кузнец оказывается проглоченным водяным, предстающим в образе щуки. В ряде случаев указанный мотив контаминируется с мотивом купания в бессточной ламбе. Причем искупаться герой должен, не *«намочив лоб, не подняв головы»*. Все перечисленные примеры символизируют различные виды обряда инициации.

В некоторых вариантах встречается задание привезти «пеструю крышку». Для карельской эпической традиции в целом характерно использование отмеченного поэтического образа для описания чудо-мельницы. Позже при помощи этого художественного приема изображался сундук. В южнокарельской песне хозяйка Хийтолы, отправляя Илмойллинена за «пестрой крышкой» (в данном случае, за сундуком), желает получить наряд к свадьбе дочери. Прочие выявленные трудные испытания носят, скорее, сказочный характер: необходимо пересчитать песчинки на дне морском, сосчитать звезды на небе, свить веревку из мякины, пройти по остриям колов.

В разделе 3.13 указаны основные отличия рассматриваемого мотива в разных локальных традициях: для севернокарельских рун характерно похищение невесты, в южнокарельской традиции девушка добровольно уезжает с кузнецом Илмойллиненом. В олонецком варианте хозяйка мифической страны, не пожелав

расставаться с дочерью, проглатывает кузнеца. В беломорской руне ярко описано противоборство кузнеца и хозяйки Похъёлы. В южнокарельской песне Илмойллине борется уже с самой невестой, которая стремится уйти от героя, превращаясь при этом в различных животных или предметы. Это является последней попыткой «отстоять» матрилокальную форму брака.

В разделе 3.14 рассмотрена развязка коллизии – перевоплощение красивой Катерины в чайку. Девушка, не пожелавшая стать женой кузнеца Илмойллинена, предпочитает гибель замужеству: ее смерть изображается через превращение в птицу, осмысляемое как олицетворение потусторонней сущности жены-невесты. Этот мотив послужил основой для формирования этиологического мифа о возникновении чайки.

Четвертая глава «Поэтика и стилистика сюжета» посвящена выявлению поэтических и стилистических особенностей интересующей нас песни.

В разделе 4.1 «*Особенности сюжетной контаминации*» рассмотрена структура южнокарельского варианта руны. Сватовство выделено нами в качестве основного ядра повествования, к которому примыкают мотивы непорочного зачатия, изготовления кантеле, лодки, выделившиеся впоследствии в самостоятельные сюжеты. Наличие подобных контаминаций причисляет анализируемую песню к числу многосоставных и многосюжетных, отражающих архаичные способы построения сюжета.

В разделе 4.2 «*Система стихосложения южнокарельских эпических песен*» проанализирована ритмика рун, в основе которой лежит размер калевальской метрики, представляющий собой восьмисложный стих с хореистической стопой (близкой к четырехстопному хорею). Рассмотрев соотношение ритмического и грамматического ударения, отмечается их несовпадение, что вызывает появление «перебойного» стиха.

В разделе 4.3 «*Явление аллитерации*» рассматривается звуковая организация, повторение одинаковых или сходных звуков как один из основных признаков карельской эпической поэзии в целом. Для анализируемых рун стилистический прием является устойчивым: в некоторых вариантах до 40 %

стихов аллитерировано. Ранние тексты характеризуются превалированием сильной аллитерации.

В разделе 4.4 «*Конечная рифма*» обращается внимание на постепенный переход от начальной рифмы к конечной. Появление рифмованного стиха нельзя отнести исключительно к прямому заимствованию, подобный процесс наблюдался в различных локальных традициях карелов. Однако влияние русской традиции все же наблюдается.

В разделе 4.5 «*Явление параллелизма*» объектом изучения служит композиционный прием, характеризующий карельскую руну и определяющий аналогию, сходство, общность тех или иных образов. В южнокарельской песне представлены различные его виды, к числу наиболее распространенных относится синонимический параллелизм и параллелизм по аналогии.

Раздел 4.6 «*Образное сравнение*» посвящен анализу уподоблений, представленных разнообразными видами. Архаичные формы сравнения выражены посредством падежных форм: транслатива, или превратительного падежа, указывающего на результат изменения состояния, положения или роли, и эссива, характеризующего продолжительное или устойчивое состояние. Конструкции с компаративными союзами – явление более позднее. Особое внимание привлекают архаичные структуры, являющиеся переходными формами, в них граница между мифологическим образом и поэтическим тропом еще не преодолена.

В разделе 4.7 «*Гиперболы*» рассматривается широко распространенный в эпической традиции прием чрезмерного преувеличения, используемый для описания мифологических образов: хозяина/хозяйки Хийтолы, большой серой щуки, огромного орла и т. д. Гиперболы зачастую применяются для усиления контрастности героев архаичного эпоса.

В разделе 4.8 «*Эпитеты и перифразы*» выявляется функциональная роль названных поэтических тропов в изображении образов и коллизий. При помощи эпитетов определяются наиболее значимые признаки основных героев (красивая Катерина, непорочная дева), описываются некоторые отвлеченные признаки

(синее море, серая щука). Для анализируемой песни свойственно широкое применение метафорического эпитета (змеиное поле, огненная земля).

В рассматриваемой руне устойчивым тропом является и перифраза, характеризующая невесту и мать жениха. Истоками появления подобных иносказаний, встречающихся преимущественно в архаических жанрах карельского фольклора, считаются запреты на использование определенных имен и понятий в определенных обстоятельствах. К подобным ситуациям относится и сватовство как некое пороговое состояние жениха и невесты.

Анализ поэтических и стилистических структур показал, что язык карельских рун формируется из совокупности различных художественных средств и приемов, определяющих их жанровую специфику.

В Заключении обобщаются результаты исследования.

Предпринятое разыскание доказало, что в Южной Карелии существует своя устоявшаяся эпическая традиция, с определенным кругом сюжетов, имеющих узколокальные особенности.

В исследовании из всего многообразия зафиксированных рун проанализирован наиболее распространенный у карелов-ливвиков сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола, широкое бытование которого обусловлено обрядовой функцией.

Входящие в руну мотивы и образы рассмотрены с учетом их мифологических истоков, а также в контексте общекарельской эпической традиции, впервые изучены поэтико-стилистические особенности. Проведенный комплексный анализ сюжета указывает на существование некогда единой рунопевческой традиции и шире – синкретизма поэзии калевальской метрики.

Возможность дальнейшего расширения исследования заключается в привлечении всей совокупности сюжетов, рассмотрение которых позволит получить целостную картину об эпическом наследии южных карелов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Мифическая страна Хийтола и ее хозяева (по материалам южнокарельских эпических песен) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 10. – С. 123-126. (Статья опубликована в рецензируемом научном журнале, рекомендуемом ВАК РФ).
2. Образное сравнение в системе поэтических тропов карельской руны о добывании жены // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2011. – № 1(15). – С. 363-365. (Статья опубликована в рецензируемом научном журнале, рекомендуемом ВАК РФ).
3. Система стихосложения южнокарельских эпических песен (на примере руны о сватовстве) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – № 5 (118). – С. 82-84. (Статья опубликована в рецензируемом научном журнале, рекомендуемом ВАК РФ).
4. Эпические песни Южной Карелии = Aunuksenkarjalazien eepizet rajot / сост., авт. вступ. ст., коммент. и пер. В. П. Миронова; ред. кар. текстов В. Д. Рягоев. – Петрозаводск: Периодика, 2006. – 446 с.
5. «Сватовство в Хийтоле» – основной сюжет южнокарельской эпической традиции // Гуманитарные исследования в Карелии: сб. ст. к 70-летию Института языка, литературы и истории. – Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2000. – С. 105-109.
6. Мотив брачных испытаний в южно-карельских эпических песнях // Бубриховские чтения: проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: сб. науч. ст. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. – С. 202-209.
7. Семейно-бытовая тема в южно-карельской эпической поэзии // Бубриховские чтения: проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: сб. науч. ст. – Петрозаводск: Изд-во

ПетрГУ, 2005. – С. 210-216.

8. Карельская и ижорская эпическая традиция: к истории генетического родства // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве приграничного региона: сб. материалов междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. – Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2005. – С. 174-178.
9. Разновидности сюжетных контаминаций южнокарельского варианта песни «Сватовство в мифической стране Хийтола» // Северная Европа в XX веке: природа, культура, экономика: материалы междунар. конф., посвящ. 60-летию КарНЦ РАН. – Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2006. – С. 119-121.
10. Тема сватовства в карельской и финской эпической традиции: к вопросу о единстве мотивов и образов // Бубриховские чтения: проблемы функционирования и контактирования языков и культур прибалтийско-финских народов: сб. науч. ст. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. – С. 157-166.
11. Концепт границы между мирами в южнокарельских эпических песнях // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: гуманитарные исследования. – Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2008. – С. 142-148.
12. Аллитерация в южнокарельской эпической песне о сватовстве // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2009. – № 5 (98). – С. 69-73.
13. Вклад Ииво Хяркенена в собрание карельского фольклора // Краеведческие чтения: материалы II науч. конф. – Петрозаводск: ЧП Вяжевич А. С. – 2009. – С. 129-130.
14. К проблеме перевода фольклорного текста на лексико-грамматическом уровне (на материале южнокарельской песни о сватовстве) // Бубриховские чтения: вопросы лексикологии и лексикографии прибалтийско-финских языков: сб. науч. ст. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – С. 277-285.
15. Эпитеты в южнокарельской эпической традиции (на примере песни

«Сватовство в мифической стране Хийтола») // Финно-угроведение. – 2010. – № 1. – С. 65-76.

16. Локальные особенности мотива «чудесное рождение» (по материалам южнокарельской песни о сватовстве в мифической стране Хийтола) // Рябининские чтения-2011: материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации и культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2011. – С. 326-328.
17. Kantelen synty- motiivi eteläkarjalaisessa eeppisessä perinteessä // Kantele, runolaulu ja itkuvirsi. – Jyväskylä: WS Bookwell Oy, 2009. – S. 93-97.